

Глава 3

Двенадцать раз к луне

Е Чживэнь кашлянул и посмотрел на Те Хэнцю. Надо сказать, внешность этого человека... совершенно не вязалась со статусом «Мо-цзуня».

У Те Хэнцю было лицо типичного мечника: черты, словно высеченные из камня, кожа медового оттенка от долгих лет тренировок на солнце, прямой, как сосновая ветвь, нос. Но самое примечательное — его большие глаза. Зрачки были ясными, в них плясали искорки сообразительности, но уголки глаз были опущены, что придавало ему вид простодушного и немного растерянного человека.

И вот этот человек с таким лицом говорит: «Отведи Юэ-цзуня на Пик Ста Чжанов»!

Е Чживэнь сглотнул и тихо произнёс: «Эм... Ваше Превосходительство, вы уже сровняли Пик Ста Чжанов с землёй».

Те Хэнцю замер, а затем его глаза расширились от изумления: «Что? Я сровнял...»

Он не мог поверить. «Неужели, впав в демоническое безумие, я стал настолько ужасен?! Неужели это как в романах: „потемневший — в десять раз сильнее, раскаявшийся — в семь раз слабее“?»

Е Чживэнь осторожно напомнил: «Именно так. Вы хотели забрать Юэ-цзуня, но Школа Сокрытого облака, естественно, не согласилась. Вы в одиночку сровняли Пик Ста Чжанов с землёй и тяжело ранили Цзунчжу Юнь Сыгуя, после чего и похитили Юэ-цзуня».

Лицо Те Хэнцю выражало шок и растерянность. «Я... я сделал такое? Почему я ничего не помню...» — пробормотал он.

«Всё, что я сказал, — чистая правда. Неужели Ваше Превосходительство сомневается в моей преданности?» — поспешил заверить Е Чживэнь.

«...Я не в твоей преданности сомневаюсь, а в своих силах», — ответил Те Хэнцю.

Е Чживэнь осторожно взглянул на Юэ Бочжи, затем на Те Хэнцю, его лицо выражало крайнюю неловкость. Он прокашлялся и тихо сказал: «Если больше ничего не нужно, я, с вашего позволения, удалюсь».

Те Хэнцю, всё ещё не в силах прийти в себя, махнул рукой: «Иди».

Е Чживэнь, словно получив помилование, тут же поклонился и быстро вышел.

В покоях Те Хэнцю остался стоять на месте, со смешанными чувствами глядя на Юэ Бочжи.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не знал, с чего начать.

В конце концов, он лишь тихо пробормотал: «Юэ-цзунь, я... я правда ничего не помню. Если я действительно сделал всё это, я... я прошу у тебя прощения».

Юэ Бочжи лишь холодно смотрел на него.

Его взгляд пронзил Те Хэнцю, но тот, собравшись с силами, продолжил: «Пик Ста Чжанов разрушен, но в мире много других знаменитых гор. Я выберу для вас прекрасное место, где вы сможете совершенствоваться в уединении, и больше никогда вас не потревожу».

Услышав слова «больше никогда вас не потревожу», Юэ Бочжи стал ещё холоднее, словно в глубине полярного ледника вспыхнуло тёмное пламя.

Те Хэнцю никогда не видел у него такого взгляда.

Словно под замёрзшей поверхностью озера бесшумно скользнула чёрная змея.

Сердце Те Хэнцю дрогнуло.

Боясь, что Юэ Бочжи ему не поверит, он оставил его отдыхать, а сам ушёл.

Следующие несколько дней он не виделся с Юэ Бочжи, пытаясь восстановить в памяти прошлое.

Последние десять лет были окутаны густым туманом, в памяти зияла пустота.

Лишь грозная скорбь десятилетней давности, потрясшая всю школу, осталась ясной, как вчерашний день.

Именно та грозная скорбь заставила Цзунчжу Юнь Сыгуя заметить его и, нарушив все правила, сделать своим личным учеником, что вызвало недовольство многих.

Но ему было всё равно. Его волновало лишь то, что теперь у него появилась возможность стать ближе к Юэ Бочжи.

Пик Ста Чжанов, где жил Юэ Бочжи, был круглый год покрыт снегом, белым, как лунный свет. Как и его хозяин, он был далёкой и недостижимой вершиной.

Юэ Бочжи вёл уединённый образ жизни, редко покидая пик и ещё реже общаясь с кем-либо.

Когда Те Хэнцю был учеником-чернорабочим, он мог лишь изредка увидеть Юэ Бочжи, подметая горные тропы Пика Ста Чжанов.

Позже, став хранителем Павильона священных писаний, он мог видеть его, когда тот приходил читать.

Самой большой дерзостью, на которую он отваживался, было сделать глубокий вдох, когда их пути пересекались, чтобы ощутить тот уникальный аромат, что исходил от Юэ-цзуня.

Но став личным учеником Цзунчжу, всё изменилось.

Теперь он наконец-то имел право поднять голову и посмотреть на Юэ Бочжи, даже заговорить с ним!

Юэ Бочжи из-за своего происхождения, несмотря на свою могущественную магию, часто болел и должен был регулярно принимать особое лекарство — Отвар снежной души. Его готовили из тысячелетнего нetaющего снега гор Сокрытого облака с добавлением редких духовных трав из ледяных земель. Лекарство было чрезвычайно холодным и чистым по своей природе и помогало подавлять яд, с которым он родился.

Ингредиенты было достать нелегко, но, к счастью, Школа Сокрытого облака была великой, и запасы всегда пополнялись.

Юнь Сыгуй очень заботился о сыне своего покойного друга и часто сам готовил лекарство, а затем поручал доставить его своим личным ученикам.

На Пике Ста Чжанов росли редкие духовные сливы, и, чтобы защитить эти деревья, Юэ-цзунь установил строгое правило: обычные ученики не могли использовать летающие мечи и должны были подниматься пешком.

Гора была высокой, путь — трудным, а Юэ Бочжи — холоден, поэтому большинство личных учеников не хотели браться за это поручение.

Лишь с появлением Те Хэнцю все вздохнули с облегчением и с радостью переложили на него эту неблагодарную задачу.

Никто и не подозревал, что Те Хэнцю только этого и желал.

Когда Те Хэнцю впервые получил задание доставить лекарство, он был взволнован и полон предвкушения.

Он держал чашу с Отваром снежной души, приготовленным самим Цзунчжу, и осторожно поддерживал температуру лекарства своей духовной силой, боясь малейшей оплошности.

Горная тропа Пика Ста Чжанов была крутой, дул сильный ветер и шёл снег, но он не чувствовал холода, лишь его сердце колотилось, как барабан, а ладони горели.

Наконец он стоял перед Павильоном, где слушают снег.

Двери были закрыты, вокруг царила тишина, лишь ветер и снег свистели в ушах.

Те Хэнцю глубоко вздохнул и тихо постучал: «Юэ-цзунь, это ученик Те Хэнцю. По приказу Цзунчжу я принёс лекарство».

Через мгновение двери медленно отворились.

За ними не было Юэ Бочжи, лишь двое юных послушников стояли по обе стороны. Один заваривал чай, другой подметал снег перед входом, оба молчали.

Те Хэнцю немного растерялся и осторожно спросил: «Простите, Юэ-цзунь здесь?»

Послушник, заваривавший чай, поднял на него глаза и равнодушно кивнул, приглашая войти.

Те Хэнцю переступил порог.

Холодный ветер ворвался внутрь. Те Хэнцю стоял в зале, долго не решаясь поднять головы, боясь, что его взгляд осквернит это уединённое место.

Собравшись с духом, он наконец осмелился поднять глаза. Юэ Бочжи полулежал на кушетке, его ресницы были опущены, он не смотрел на него, а читал свиток.

Даже не находясь под взглядом Юэ Бочжи, Те Хэнцю чувствовал, как бешено колотится его сердце.

Это был первый раз, когда он мог смотреть на Юэ Бочжи с такого близкого расстояния.

Но он всё равно не решался взглянуть ему в лицо и опустил глаза на его рукава.

Белоснежный плащ, источавший тонкий аромат зимней сливы, был так близко. Из-под облакоподобных складок виднелись кончики пальцев Юэ Бочжи, державших свиток.

Те Хэнцю затаил дыхание, словно приблизился к цветку из снега, и ненавидел себя за то, что даже его дыхание было нечистым.

Он стиснул зубы, всё ещё держа в руках чашу с Отваром снежной души. Он знал, что должен что-то сказать, но не мог произнести ни слова.

Первым молчание нарушил Юэ Бочжи: «Оставь».

Те Хэнцю, словно от удара грома, вздрогнул и поставил чашу на стол.

«Юэ Бочжи... Юэ Бочжи заговорил со мной!!!»

Эта мысль эхом отдавалась в его голове: «Он посмотрел на меня... он заговорил со мной... он посмотрел на меня... он заговорил со мной...»

Эта мысль, словно бесконечный прилив, набегала на берег, оставляя влажный след, а затем медленно отступала.

Но не успевал след высохнуть, как новая волна нетерпеливо набрасывалась на берег.

С той же силой, с той же страстью, делая прежний след ещё глубже, ещё отчётливее.

Бесконечно, вздымая тысячи снежных гребней.

Хотя тон и взгляд Юэ-цзуня были ледяными, он чувствовал себя так, словно его овеял весенний ветерок, и по всему телу разлилось тепло.

Он опустил голову, не смея больше смотреть на Юэ Бочжи, боясь, что его волнение будет замечено.

Но его сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

Он пытался успокоиться, хотел что-то сказать, но боялся сказать что-то не то и вызвать недовольство Юэ Бочжи.

В конце концов, он лишь глубоко поклонился и почтительно произнёс: «Ученик удаляется».

С этими словами он медленно вышел из павильона, его шаги были такими лёгкими, словно он ступал по облакам.

Лишь когда двери бесшумно закрылись за его спиной, он протяжно выдохнул, будто очнувшись ото сна.

Он стоял под снегом и ветром и смотрел на павильон.

Он знал, что в его сердце что-то зажглось, и этому огню уже не суждено было погаснуть.

Раз в месяц, в новолуние, доставлять Юэ Бочжи Отвар снежной души для других было тяжкой повинностью — идти в метель по горам не хотел никто.

Другие личные ученики отказывались, и в итоге это задание всегда доставалось Те Хэнцю.

Однако он не только не считал это бременем, но и радовался этому.

Даже если бы ему не поручали, он бы сам вызвался — это была честь, за которую он должен был бороться.

Никто не знал, какое обжигающее тепло исходило от нефритовой чаши, когда она была прижата к его сердцу.

Каждое новолуние он совершал омовение, воскуривал благовония, надевал чистую одежду, прижимал к груди чашу с Отваром снежной души и поднимался на Пик Ста Чжанов, чтобы посетить Павильон, где слушают снег.

Дорогу на пик он мог пройти с закрытыми глазами.

Левой рукой он прижимал к груди чашу, правой — сжимал воротник, а его дыхание становилось всё горячее в клубах белого пара.

Чаша не была теплоизолированной, и он прижимал её прямо к телу.

Каждый раз его грудь была обожжена, но это тепло приносило ему радость.

Вернувшись в свою комнату, он расстёгивал одежду и смотрел на красный след на груди, словно его чувства обрели материальную форму.

Они обжигали его кожу, но были скрыты под слоями одежды, невидимые для посторонних.

И уж тем более для прекрасных глаз Юэ-цзуня.

С этим обжигающим удовлетворением он год, невзирая на погоду, носил Юэ Бочжи Отвар снежной души.

И каждый раз он нервничал так же, как в первый, с почти благоговейным трепетом.

Иногда Юэ Бочжи говорил с ним, очень просто: «Оставь», «Положи», «Иди», «М-м».

Иногда не говорил ничего.

Лишь бросал на него мимолётный взгляд или был поглощён чтением, не достаивая его даже краем глаза.

Но даже так, просто находясь так близко к Юэ Бочжи, вдыхая аромат, витавший в его покоях, он чувствовал, как тепло разливается по его обожжённой груди.

Каждый раз, покинув павильон, он гладил красный след на груди — единственный дар, что Юэ Бочжи невольно ему оставил.

Год, двенадцать новолуний, двенадцать походов сквозь ветер и снег, двенадцать обжигающих удовлетворений...

Он в двенадцатый раз засыпал с обожжённой грудью.

На следующий день он проснулся рано и, как обычно, пошёл тренироваться с мечом.

Выйдя из комнаты, он столкнулся с первым старшим братом.

Тот обменялся с ним парой слов: «Вчера на Пике Ста Чжанов был сильный ветер. Ты носил отвар, всё в порядке?»

Те Хэнцю улыбнулся: «Всё хорошо, спасибо за заботу, старший брат».

Тут подошёл четвёртый старший брат, на его лице была холодная усмешка.

Он происходил из знатной семьи, гордился своим происхождением и всегда свысока смотрел на Те Хэнцю, этого выскочку.

Он искоса взглянул на Те Хэнцю и с сарказмом произнёс: «Такую грязную работу только такие,

как ты, и могут делать».

Те Хэнцю поджал губы. «Этот четвёртый старший брат — просто ходячий стереотип злодея! Настолько плоский, что автор романа, наверное, даже поленился бы дать ему имя, используя его лишь для одной сцены, где главный герой его унижает, а потом выбрасывает, как одноразовую вещь!»

<http://bllate.org/book/16975/1580844>